

а невеста филологу. О последней сказано: *virgo... docta quidem nimis et compar studio*, т. е. она получает характеристику, в которой соединены оба определения, вытекающие из двух разных понятий филологии в античное время, — она является ученой (результат занятий) и в то же время отличается склонностью к ученым занятиям.

Только в XVIII в., наконец, складывается в академической практике то понимание филологии, какое является привычным для нас. Когда-то думали, что Фридрих Август Вольф был первым, кто назвал себя *Philologiae studiosus* (8 апреля 1777 г. в Геттингенском университете), но в настоящее время выяснено, что у него был в этом отношении ряд предшественников (первый известный нам случай официального употребления выражения *Philologiae studiosus* относится к 1736 г.).

Таково содержание любопытной и поучительной книги Куха, с которой полезно познакомиться и филологу, и исторiku. Интерес ее обусловлен рядом ее особенностей: 1) перед нами прекрасный пример собрания текстов, иллюстрирующих историю понимания одного комплекса слов (в античное время еще не ставших терминами); 2) интерпретация собранных текстов отличается трезвостью и убедительностью, благодаря постоянной оглядке на большой контекст избегнута опасность навязывания слову слишком узких окказиональных значений; 3) филологический анализ текста всегда производится с учетом историко-культурного и историко-литературного фона; 4) исследуемый анализ увенчивается доходчивым, легко усваиваемым синтезом.

А. И. Доватур

G. LE RIDER. *Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville. Mémoires de la mission archéologique en Irani* (Томе XXXVIII), P., 1965, 491 стр. + LXXIV табл.

За время с 1897 г., когда в Сузах начались систематические работы Французской археологической миссии, здесь было найдено немало монет эллинистического и парфянского времени. Однако информация о находках была очень скудной и неполной. Тем большее удовлетворение вызывает книга Ж. Ле Рида, собравшего, обработавшего и издавшего эти монеты.

Работа Ле Рида распадается на две основные части: каталог монет, найденных в Сузах, и исследование истории города на основе этого нового огромного материала. Собственно каталогу (глава III) предшествуют две главы, в которых автор дает общее краткое описание монетной коллекции и излагает свои принятые классификации материала. Всего в ципы классификации 4871 монета. Часть Сузах обнаружена 4871 монета. Часть Сузах обнаружена 4871 монета. Часть Сузах обнаружена 4871 монета.

Основное место среди находок принадлежит выпускам двух монетных дворов: Самых Суз и Селевкии на Тигре. Из серебряных монет в этих двух центрах чеканены 1614 (Сузы — 1577, Селевкия — 37), среди бронзовых — 2800 (Сузы — 1519, Селевкия — 1281). Подобное соотношение безусловно свидетельствует о теснейших экономических взаимоотношениях между Селевкией на Тигре и Сузями. Необходимо, однако, иметь в виду, что если монеты Селевкии на Тигре были

распространены достаточно широко на всем Ближнем Востоке, то монеты Суз встречаются на очень узкой территории, ограниченной районами, непосредственно примыкающими к Сузиане. Для найденных в Сузах монет других центров автор отмечает твердую закономерность: чем дальше от Суз место чекана, тем меньше процент происходящих оттуда бронзовых монет.

Ле Рида считает более правильным располагать монеты в каталоге не по правителям, но по монетным дворам (особенно это касается двух основных монетных дворов, монеты которых составляют главную часть коллекции), а внутри каждой группы — в хронологическом порядке, что дает возможность более обзорно представить себе историю того или иного монетного двора.

Во второй главе автор основное внимание уделяет интерпретации дат, предоставленных на некоторых из селевкидских и парфянских монет. Хотя таких дат сравнительно немного, но именно они дают главную опору для хронологического распределения многочисленных выпусков селевкидских и парфянских монет. Сложность здесь в том, что существовали два метода отсчета: согласно македонскому, селевкидская эра начиналась осенью 312 г. до н. э., согласно вавилонской — весной 311 г. Правильно разобраться в монетных датах важно еще и потому, что и в парфянское время селевкидская эра продолжала широко употребляться. Составляя монеты с эпиграфическими па-

мятников, Ле Риде приходит к выводу, что на монетах, выпускавшихся как от имени царя, так и от имени различных городских общин, даты в селевкидской эре указывались по македонскому календарю.

Основную часть работы (третья глава) занимает собственно каталог монет, найденных в Сузах. Он открывается монетами, чеканенными местным монетным двором начиная со времени Александра Македонского и до царствования царя Вардана I (чеканка в Сузах примерно от 39 до 45 г.). Особенно интересны монеты, выпускавшиеся в 31/30 гг. до н. э. от имени *Φρατρίων τῶν ἐν Σούσοις* — городской общины сузианцев. Затем следуют монеты монетного двора Селевкии на Тигре. В Сузах они представлены эмиссиями селевкидских и парфянских царей от Селевка I до Вологеза V и автономным чеканом города. Кроме того, в большем или меньшем числе найдены в Сузах монеты, выпускавшиеся в разное время (главным образом при Селевкидах) монетными дворами следующих городов: Спасину Харакс, Экбатаны, Спиринкс (?), Бактры, Нисбин, Арасмосата, Петра, Иерусалим, Ака-Птолемида, Тир, Сидон, Арад, Антиохия, Селевкия в Периоп, Ладодкея Приморская, Таре, Нагид, Аспенд, Перга, Фаселис, Алабанда, Ортозия, Милет, Магнесия на Меандре, Эфес, Колофон, Самос, Сарды, Темнос, Киме, Абидос, Лампсак, Кизик, Киос, Византий, Лисимахия, Афины, Александрия. Дополняет эту главу описание 13 обнаруженных в Сузах кладов.

Глава четвертая озаглавлена «Сузы в эллинистическую эпоху». В ней рассматривается географическое положение Сузианы, ее приблизительные границы, их изменение с течением времени. Наиболее важным представляется вывод Ле Риде об изменении границ на юго-западе от Суз, где в селевкидское время создается новая провинция, позднее превратившаяся в быстро прогрессирующее царство Харакену, отрезавшее Сузиану от моря.

Важней и рассматриваемый в этой главе вопрос о направлении торговых путей. Сузы уже с ахеменидского времени находились на важном пересечении торговых дорог. Наиболее существенно сделано автором в данной связи наблюдение, что в селевкидское и парфянское время очень оживленной была дорога Селевкия — Сузы и в то же время пришла в упадок дорога Экбатаны — Сузы.

В той же главе исследован и вопрос о царской администрации в Сузах и Сузиане в селевкидское и парфянское время. Отвергая мнения Тарна и Бикермана, полагающих, что в селевкидское время Сузиана находилась в ранге эпархии, Ле Риде вслед за Бенгтсоном считает, что Сузиана при Селевкидах оставалась сатрапией. При парфиях сатрапия Сузиана сохранилась, но административно город

отделился от нее и управление ими осуществлялось раздельно: одним лицом в ранге сатрапа (стратега) для области и другим лицом, видимо, в ранге эписбата — для города.

Очень интересны наблюдения Ле Риде о населении города Суз. Автор отмечает, что к моменту прихода Александра Македонского население города было очень смешанным (эламиты, вавилоняне, семиты, персы, переселенные сюда египтяне). Александр оставил в Сузах в качестве гарнизона некоторое количество македонян. Позднее в связи с основанием Селевкием I полиса под названием *Σελεύχεια ἢ πρὸς τῷ Εὐλάτῳ* сюда было переселено немало греков (возможно, из Эфеса). В дальнейшем греческое и македонское население, объединенное в гражданский коллектив, составляло привилегированную группу населения, имевшую пожалованные царем клеры и обязанную за это военной службой. До середины I в. н. э. греки и македоняне совершенно не смешивались с местным населением. Во всяком случае, согласно списку всех известных имен из Суз, составленному Ле Риде, имена не показывают сколько-нибудь значительного числа смешанных по этносу семейств.

Смешение местного и греческого начала более заметно в религиозных воззрениях жителей города. Но здесь также достаточно отчетливо выделяются два периода: селевкидский и парфянский. В селевкидское время, судя по местному бронзовому чекану, предназначено исключительное для местного обращения, важнейшую роль в официальном пантеоне города играли Артемиды и Аполлоны; на монетах встречаются также изображения Афины, Диоскуров, Гермеса, Зевса-Аммона. Изображения восточных божеств в монетном чекане города, за одним исключением, полностью отсутствуют. Лишь в царствование Антиоха IV появляется какое-то неидентифицированное божество, но введение его, как удачно показывает Ле Риде, было результатом вмешательства центральных властей, а не инициативой самих жителей города. Надписи, однако, свидетельствуют, что помимо греческих божеств, в Сузах почитались и восточные — Ма и Нанайя. Но надо иметь в виду, что кашадокийское божество Ма было занесено в Сузы самими греками; Нанайя же в официальный пантеон города не входила, хотя и пользовалась популярностью. Вопреки часто высказывавшемуся мнению, никакой синкретизации образов Артемиды и Нанайи в селевкидское время не было. Таким образом, на протяжении всего селевкидского времени официальный пантеон гражданского коллектива города оставался чисто греческим.

Значительные изменения произошли в парфянское время. Хотя в городе по-прежнему почитались многие греческие боги (Аполлон, Афина, Геракл, Гермес), в офи-

циальный пантеон были включены и местные божества, а кроме того, под восточным влиянием претерпел существенные изменения характер некоторых греческих божеств. Наиболее заметны такие изменения в образе Артемиды, превратившейся в синкретическое божество Артемиду-Наинаю. Со своей стороны отметим, что подобная эволюция религиозных воззрений полностью отвечает развитию в других областях культуры Сузианы в селевкидское и парфянское время¹.

Особое место в работе Ле Риде занимает пятая глава — «История Суз в эллинистическую эпоху». Автор пишет, что задачей этой главы является использование новых нумизматических данных для написания истории города и Сузианы в селевкидское и парфянское время. Однако исследование вышло далеко за пределы тех скромных границ, которые наметил для него автор. По существу это достаточно полный очерк истории восточных областей селевкидского государства и парфянского царства, написанный на основании всего комплекса имевшихся в распоряжении ученого источников. Хотя значительное место в главе уделено Сузам, все же историей их отнюдь не ограничиваются исследуемые в ней сюжеты. Ле Риде по-своему решает проблему раннепарфянского чекана, изучает историю монетного двора в Экбатанах, дает краткий очерк истории Элимапды, рассматривает хронологические вопросы династической борьбы Аршакидов в I в. до н. э. и др.

Значительный новый материал, вводимый автором в научный оборот, позволяет ему предлагать во многих случаях оригинальные решения. Иногда с ними нельзя согласиться, но всегда они заслуживают самого пристального внимания. К числу тех вопросов, решение которых, с нашей точки зрения, вызывает возражения, относится проблема начала парфянского

¹ Г. А. Кошеленко, *Культура Парфии*, М., 1966, стр. 204 сл.

монетного чекана, поскольку вопрос этот недавно был предметом нашего специального рассмотрения². Здесь мы не будем подробнее останавливаться на нем. Отметим только, что Ле Риде, привлекая все раннепарфянские монеты, хранящиеся в западных музеях, совершенно упустил из поля зрения значительные коллекции Эрмитажа, ГМИИ и ГИМ, позволяющие дать иную и, как нам представляется, более правильную картину ранних этапов развития парфянского монетного чекана и тем самым парфянской государственности.

В трактовке ранней династийной истории Аршакидов Ле Риде следует концепции И. Вольского. Это очень отрадно, поскольку точка зрения, давно уже развитаемая польским исследователем, несмотря на всю свою убедительность, почти никем из ученых до сих пор не принималась, и в работах по истории Парфии по-прежнему господствовали традиционные взгляды. Лишь сравнительно недавно начался некоторый поворот к признанию выводов Вольского, и согласие с ним Ле Риде, конечно, будет способствовать изживанию старых концепций.

В заключительной главе дается яркая и полная картина исторического развития монетного обращения в Сузах.

Книга снабжена большим количеством прекрасно выполненных таблиц и подробными указателями.

Появление труда Ле Риде очень важно для дальнейших работ в области нумизматики и истории селевкидского и парфянского государств. Это не только образцово подготовленная публикация монетных находок, но и серьезное историческое исследование.

Г. А. Кошеленко

² Г. А. Кошеленко, *Некоторые вопросы истории ранней Парфии*, ВДИ, 1968, № 1, стр. 53 сл.

D. TUDOR, Sucidava. Une cité daco-romaine et byzantine en Dacie, Latomus, LXXX, Bruxelles — Berchem, 1965, 129 стр., указатель и таблицы

Рассматриваемая работа профессора Бухарестского университета Димитра Тудора, известного своими многими исследованиями по истории римской провинции Дакии, посвящена истории Суцидавы, дако-гетского поселения, ставшего затем римской и византийской крепостью. Работа представляет интерес не только для исследователя окраинных областей Империи, но имеет и более широкое зна-

чение, поскольку собранный в ней материал ставит вопрос о преемственности исторических эпох и их связи друг с другом. Как отмечает автор, «благодаря открытиям в Суцидаве могут быть написаны новые главы по проблеме оставления Дакии римлянами и по истории римской эпохи, а также по проблеме римского господства в областях севернее Дуная в III—V вв. и о характере византийского

господства на левом берегу реки в VI в.» (стр. 5). Монография, которую Д. Тудор определяет как синтез 30-летних раскопок на территории Суцидавы (стр. 5), прослеживает историю этого поселения с доисторической эпохи до XIII—XV вв. и, таким образом, как бы суммирует все то, что известно о Суцидаве. Следует заметить, что одни периоды в истории Суцидавы изложены более полно, другие — совсем белло. Почти полное отсутствие в аппарате список на археологическую документацию, хотя вся работа представляет в сущности переложение археологического материала, вызывает порой вопросы, оставляя чувство неудовлетворенности доказательствами. Эта манера изложения объясняется автором тем, что по сюжетам Суцидавы написано множество этюдов на европейских и румынском языках; эта монография, используя неизданный материал, не требовала специальных примечаний (стр. 6). Однако читатель, знакомящийся с настоящей работой, имеет дело все-таки с самостоятельным целым, вследствие чего, нам кажется, не отпадала необходимость более развернутой аргументации.

Работа состоит из шести небольших глав и довольно обстоятельного введения, в котором указывается на местоположение Суцидавы, обусловившее ее военное и хозяйственное значение для Рима, сообщается также история археологических исследований Суцидавы. Как римское поселение, она возникла из центра дакийского племени *suci*, и само название *Sucidava* означало деревню этого племени. При римлянах Суцидава стала военной крепостью Дакии, портом на Дунае и таможенной станцией; вокруг крепости возникло со временем большое гражданское земледельческое поселение. Интерес к Суцидаве проявился уже в XVII в., но археологические исследования носили дилетантский характер. Первые научные раскопки Суцидавы были начаты в 1901 г., с 1936 г. они ведутся систематически.

Раскопки показали, и этому посвящена I глава книги, что области Суцидавы (совр. румынской деревни Челей, *Celei*, в 3 км от города Корабия) были обитаемы уже в эпоху неолита. От этого периода раскопано несколько землянок. Поскольку землянки погибли от пожара, было обнаружено *in situ* все то, что пощадил огонь. Землянка состояла из одного помещения $4 \times 4,5$ м; ее стены были сделаны из плетеных ивовых прутьев, обмазанных глиной; потолок был также покрыт толстым слоем глины и опирался на балки. Вдоль западной стены землянки находилась кладовая с сосудами для хранения воды и продуктов; другие хранилища были размещены по углам комнаты. Очаг служил и для приготовления пищи, и для отопления. По соседству с очагом была найдена кухонная утварь и ручные мельницы. Это поселение времени неолита свя-

зывается с обитателями культуры Вадастра II (*Vadastra II*). От времени раннего и позднего железа особенно много находок, большую часть которых составляет дакийская керамика, сделанная от руки. Найдены также фрагменты родосских амфор для вина и оливкового масла III—II вв. до н. э., бронзовые украшения, римская керамика I в. н. э., римские монеты II в. до н. э., а также монеты Августа, Тиберия и Клавдия, что свидетельствует, как отмечает Д. Тудор, о торговых связях дакийских племен с греческим и римским миром. Как показали раскопки, в результате римского завоевания дома Суцидавы, сделанные из балок и глины и покрытые соломой, сгорели. Прежняя территория дакийского поселения превратилась в римский некрополь (стр. 23).

II глава излагает историю Суцидавы в римский период, который начался уже во время Первой Дакийской войны (101—102), когда в Суцидаве Траяном (или Домпцианом) был построен временный земляной лагерь (300×200 м) Первой когортой Лингонов, пришедшей из Британии. Этот временный лагерь использовался во время Второй Дакийской войны (105—106). При Траяне он был укреплен рвом, который остался существовать до середины III в. и служил дополнительным укреплением для гражданского поселения. Городское поселение Суцидавы, которое представляет для нас главный интерес, возникло за северной и северо-западной стеной лагеря. Оно не получило городского статуса и на всем протяжении римского периода оставалось *vicus*, хотя по своему внешнему облику и общему характеру жизни мало чем отличалось от города. К середине III в. поселение распространилось на площадь около 25 га. Поселение долго не имело стен, полагаясь на защиту гарнизона крепости, и было обнесено стенами только при Филиппе Арабе в 248 г., когда Дакия стала подвергаться нападениям карпов и готов. Окруженное стенами поселение приобрело форму почти правильной трапеции со сторонами 640 м, 590 м, 340 м и 300 м; самая длинная стена — южная — шла вдоль Дуная. Стены имели башни квадратные, круглые, подковообразные на расстоянии 90 м одна от другой и четверо ворот. Главные ворота — южные (7,5 м) — шире, чем северные (4,3 м), были напротив Дуная; здесь заканчивалась главная улица города шириной 5,5 м, в конце которой находился северный портал моста через Дунай, построенного Константином у Суцидавы.

Хотя Суцидава была *vicus*, на ее сельской территории находились другие, менее значительные *vici*, подчинившиеся ее администрации. И Суцидава, и ее села управлялись курпалами, *Curiales territorii Sucidavensis* называется надпись после 250 г., и сам термин *curiales* появляется в надписях только со второй поло-